«ОТСТУПНИКИ» И «НЕДОУЧКИ»

По поводу одной статьи в «Континенте»

Анатолий Кулагин

Полемика

В ОБНОВЛЕННОМ «московском» «Континенте» (№ 2, 1992) опубликована статья поэтессы Марины Кудимовой «Ученик отступника» — о Высоцком «на фоне» Есенина. Эпиграфом к ней можно было бы взять слова нового главного редактора журнала Игоря Виноградова из предисловия к номеру, где формулируется программа издания: «...выработка и обсуждение именно христианской точки зрения на все, что происходит сегодня в нашей стране». С такой точки зрения нам и предлагается взглянуть на двух поэтов.

Скажем сразу: ни тот, ни другой христианских критериев не выдерживает. Есенин, хотя и начинал «прежде всего как поэт Православного мировоззрения», затем «отступился», встал в «безответственность» и т.д. М. Кудимова полагает, что в есенинское время «Россия еще была страной Православия». Не буду убеждать ее в том, что представлять русскую жизнь начала века православной идиллией наивно. Есенин же ортодоксом не был: по своим религиозным взглядам он всегда тяготел к хлыстовским сектам, особенно к «новоизраильтянам» (это показал в не опубликованной пока работе С. М. Прохоров). Наконец, не следует путать веру и поэтическую интерпретацию религиозных образов. «И думал, и читал я по библии ветров, и пас со мной Исайя Моих золотых коров». Объясним это кощунством или будем восхищаться великолепными стихами?

М. Кудимова просто подменяет поэтическое религиозным: в художнике она хочет видеть чуть ли не церковного пастыря. Подменяет и по отношению к Высоцкому. Если в одной песне Высоцкий от имени сплавщика леса поет: «Недоступны заповеди нам», а в другой — «Не потеряй веру в тумане», то автор статьи видит в этом противоречие. Если в шуточной песне «Честь шахматной короны» сказано: «В мире шахмат пешка

может выйти — если тренируется (у Кудимовой почему-то «требуется». — А.К.) — в ферзи!» — то в этом сказывается «языческое» сознание (таково отношение автора к спортивной теме у Высоцкого и к спорту вообще). И таких примеров в статье много. А верхом святотатства М. Кудимова считает «Песню про плотника Иосифа...», где Высоцкий якобы «ломается» на традиционной закавыке для секулярного ума — тайне непорочного зачатия».

Она будто и не замечает, что у всех этих цитат есть свой контекст, вне которого их воспринимать нельзя. Этот контекст вовсе не религиозный. Поэта волнуют «мирские» проблемы; он показывает нашу действительность, используя известные образы как «общие места» культуры. И потом, почему добро, любовь, сострадание свойственны только христианскому сознанию? Разве не писал Высоцкий, что «добро остается добром. В прошлом, будущем и настоящем». Для него это понятия вечные, универсальные, внеконфессиональные.

(Кстати, в поздних стихах Высоцкого звучит тема Божьего суда, но воспринимается это не как свидетельство веры, а как интуитивный и отчаянный поиск высшей справедливости.)

Но вернемся к аргументам М. Кудимовой. Богопротивный пафос она слышит также в песнях Высоцкого на военную и уголовную темы. В военных песнях поэт, оказывается, проповедует ненависть. Единственный пример в статье — песня «Аисты»: «Нужнее сейчас ненависть». Опять передержка: песня предназначалась для фильма «Война под крышами» и должна была отражать военное время, его психологию. И почему бы не процитировать рядом что-нибудь другое — скажем, «Тот, который не стрелял».

Что касается «блатных» песен... Об их гуманистической сути и поэтической условности сказано уже немало. Не хочется ломиться в открытую дверь, но, например, «Татуировка» несет в себе никакое не «криминальное сознание», как пытается уверить нас М. Кудимова, — это песня о любви, о том, что люди в любой обстановке могут ос-

таваться людьми. «Знаю я, своих друзей чернить неловко...» А ведь переживает герой из-за того, что татуировка с изображением любимой девушки у него на груди «много лучше и красивее», чем у друга Леши. И это — криминальное сознание?

«Спровоцированный Есениным и Маяковским — а кого еще мог знать недоучка 60-х?...» Если бы образованная поэтесса взяла на себя труд внимательно почитать стихи поэта и кое-какие работы о нем, то узнала бы, что в своем творчестве он был «спровоцирован» не только Есениным и Маяковским, но и той же Библией, античной мифологией, «старыми скетчами», Гоголем и Булгаковым, Зощенко и Можаяевым... В его личной библиотеке были опять-таки не только Есенин и Маяковский, но и Ахматова, Цветаева, Мандельштам, Северянин, Ахмадулина, которую, кстати, он назвал своим любимым поэтом. Высоцкий ценил Клюева, Лескова, Мельникова-Печерского. Любил не только Куинджи, но и Босха, Дали. А литературу в Школе-студии МХАТ ему преподавал Андрей Донатович Синявский.

Пожалуй, статья М. Кудимовой не стоила бы отдельного разговора, если бы за ней не стояла известная тенденция. Не так давно Маяковского обвинили в том, что он хотел к штыку приравнять перо. Другая история: С. Куняев честил Высоцкого за то, что тот, изображая безнравственных персонажей, воспитывает безнравственных слушателей. Куняев же ничтоже сумняшеся ниспровергал погибших на фронте поэтов все за тот же пафос силы и ненависти, который услышала у Высоцкого М. Кудимова. А еще раньше Ю. Кузнецов обвинял Пушкина в том, что тот увел русскую поэзию от «духовности» к «лава-дшафту». Теперь вот вошла в моду «христианская точка зрения». Конечно, у поэта в России велик соблазн быть «больше чем поэт». Да только поэзия не терпит, когда ее оценивают не поэтическими мерками, а всякими прочими — религиозными, политическими, философскими... Странно, что об этом надо напоминать людям, пишущим стихи.